

Согнув условные коленки, сидели ласточки на стенке!

...Давид Самойлов. Ему надоели поэтессы. Их страдания. Их рыдания.

В книге "Голоса за холмом" я прочитала эти строчки и стало мне... ну, в Одессе говорят о декабрьской промозглой погоде — "Такая мряка!". Я подумала — такая мряка у поэта на душе. Все пишущие тетки, наверное, к нему прут со своими стихами. Рассердилась я на Давида Самойлова невероятно. Что ж это в нем смирения нет, если есть талант. Терпимости. Небось, сначала нравилось, что трепетали и вслушивались, а потом "надоело".

Я еще раз перечитала стихотворение о поэтессах. Строчка "Лучше б мальчиков рожали" — рассмешила. Тоже мне, царь Салтан. Ему, значит, только младшая сестрица годится, с ее любовью. А сестрицы "ткачиха повариха" — пофигу? Интересно, а у него самого-то сын есть?

Поскольку у меня двое бегали, решила, что противопоказаний позвонить Давиду Самойловичу у меня нет. Решила превратиться в сватью бабу Бабариху. То есть, назваться чужим, и лучше — мужским именем. А выбрала имя приятеля своего, поэта Славы Китика. Тем более что не очень понятно, мужское или женское. А дальше — ну, как-то все получится. Мне ужасно не хотелось стучать в разные двери, чтобы "пробиваться в литературу", все эти поездки в Москву — с обязательными посещениями редакций, эти отбойные редактора с шахтерскими замашками, господа, да меня тошнило от их взглядов, подозревающих то ли, что я графоманка, то ли — что за меня позвонит вдруг кто-нибудь, то что со мной на дачу можно свалить, что ли? — Нельзя со мной на дачу, и не будет меня никто лоббировать, и не графоманка я, мне просто нужно публиковаться, потому что есть что.

Но вот Лидия Ивановна Графова, например, пришибла меня как-то в дружелюбной беседе фразой, что: "Не интеллигентно хотеть публиковаться по этим временам". (80-ые годы.) Выходит, по Лидии Графовой, интеллигентно в стол складывать... Меня от чуть не возникшего комплекса (так она меня впечатлила) спасло то, что Лидия Ивановна регулярно публиковалась, и даже в штате была, в Литературке.

А годочков мне было уже 35, вроде как хулиганить поздно... или сердиться на мироустройство...

Дело было в 1986 году, осенью. Нет, летом...

У Давида Самойлова в большом зале ЦДЛ — творческий вечер. Ведет его Зиновий Гердт. Сижу, слушаю, думаю. И вдруг Самойлов читает то самое стихотворение, где "лучше б мальчиков рожали" несчастные поэтессы.

Написала я записку и передала. И вот Зиновий Гердт мою записку озвучил: "Уважаемый Давид Самойлович! Разрешите позвонить вам и познакомиться. Слава Китик из Одессы".

О чем-то пошептались Самойлов с Гердтом, и я получила разрешение позвонить "Завтра, в 13.00".

Денег у меня было мало, но я решила купить цветы. Пять гвоздик получилось. Звоню. Давид Самойлов отвечает, — а я ему про Славу Китика напоминаю. После паузы поэт спрашивает:

— Вы не мужчина?

Я скромно говорю, что мужчина.

— А почему у вас голос такой тоненький?

— Потому что я молод, хрупок и нервничаю, — говорю нахально и смеюсь. Самойлов, свирепо так:

— Ну-ну, являйтесь, посмотрим!

Дверь мне открыла дама в бордовом халате. Спросила:

— Вы звонили?

— Я, — отвечаю. А из-за ее плеча голос раздается сердитый:

— Звонил Китик! И он — не вы.

— Ну да, — отвечаю, — почему это он — не я? Как раз он и есть я.

И разнервничалась, говорю бордовому халату:

— Вы тоже не Давид Самойлов.

А он выходит из-за спины дамы и говорит:

— Вот я — как раз я. А вы кто такая?

Ну, я эти гвоздики даме протягиваю и говорю:

— Это не вам цветы. Это даме.

А он мне вредным голосом:

— Я жду Славу.

Не надо, говорю я робко, слава у вас уже есть, а меня у вас еще не было. Я тоже... ну, это — не плохо, и потом, у меня уже два сына есть, мне к вам можно.

— Проходите, — сухо сказал и вроде как интерес потерял.

Вхожу — он к столу прошел и сразу две пары очков на нос взгромоздил. Спросил:

— А чего это вы решили, что ко мне можно, если у вас уже двое сыновей?

Я ему про его стихотворение и рассказала. Вдруг за спиной кто-то рас- смеялся. Оглянулась, а на диване сидит человек и заливается. Лицо у него знакомое, а не вспомнить... Я уже несколько не в себе от ситуации. И от- чество у меня отшибло — Давид Самойлов и — больше никак. А — как об- ратиться? Протягиваю "Голоса..." и прошу автограф. Самойлов говорит:

— А кому, вы же не Китик.

— Да, говорю, я не Китик. Напишите — для Сони Кобринской.

Переспрашивает:

— Вы Соня?

— Нет.

Давид Самойлов ручку отложил и говорит:

— Пока не скажете, как ваше имя, разговаривать не буду. Черт знает что такое.

А человек на диване хохочет, и я тоже начала смеяться. Самойлов книжку надписал.

— А себе, — говорит, — не хотите мою книгу?

— Хочу. Но у меня нет второй. А эту я Соне подарю на день рождения, вы ее любимый поэт.

— Так вы за этим ко мне пришли?

— Да, — вру я. А самой хочется — и стихи свои показать, и о главных вещах поговорить.

— Так как вас зовут?

— Оля. Ильницкая.

— Точно? — переспросил как-то недоверчиво.

И тут я ему вытащила паспорт из сумочки.

Хохот стоял, а потом вдруг Давид Самойлов вытащил голубую кни- жечку из ящика стола и спрашивает:

— Ваша книга?

Я... уплыла.

— Моя. "Сквозное жильё". Самиздат ленинградский.

— Читайте самое короткое!

Прочитала про ласточек, которые сидят на стенке, согнув условные коленки. А сама думаю — откуда у него? Неужели так бывает? У меня все- го одна осталась, вторая у мамы, остальные не знаю где... Может, уже са- ма и дала? Когда? И вообще, я как — в порядке?!

— Еще, — говорит, — читайте, — но тоже покороче...

И так я ему и тому, за спиной сидящему, всю книжку вслух и прочи- тала, (я, правда, все боком пыталась стоять), но, нервничая, вообще бега-

ла кругами по комнате и все время забывала — да все забывала. Потому что думала только об одном, как отчество? И кто второй. С жестким зна- комым лицом. Неужели Тарковский? И не могла вспомнить.

И тут я ляпнула:

— А я все забыла. Давид, как ваше отчество? И ваше, — повернулась к вроде бы Тарковскому.

Он мне ответил:

— Александрович!

Но я-то не знаю, Арсений Александрович, или нет? Стало еще хуже, тошнить стало, голова заболела. А Давид Самойлов наблюдает и говорит:

— Экземплярчик! Нравится?

Тот, кто "вроде бы" Арсений Александрович, улыбаясь, сказал:

— Нравится! И стихи хорошие.

Давид Самойлович говорит:

— Начала с самого моего любимого, а хороши условные коленки у ласточек!

И, написав на моей книжке — "Оле Ильницкой с надеждой, что при- шлет мне эту книгу в типографской ипостаси и с автографом. 4.06.86. Д. Самойлов", — подарил мне мою книжку.

И все. Мы пошли чай пить. Я так рта больше и не открыла — я не вспомнила ни отчества одного, ни имени другого, а переспросить еще раз — трусила. Не каждый день разговариваешь с большими и настоящими По- этами. Со мной оба были заинтересованно-внимательно-ласковы, рас- спрашивали, — на вопросы я отвечала, а сама — ничего! Так заклинило, что сжалились и — отпустили с Богом. Но — поцеловали оба. Вроде как — благословили. И договорились, что еще зайду в гости. Но я — уехала в Одессу.

У этой истории было продолжение...

Книгу мою опубликовали только в 1995 году, называется она "Жизнь тому вперед". Но я не смогла ее подарить Давиду Самойловичу — не ус- пела. Поэт уже был не с нами...

Я подарила книгу его сыну — Александру Давыдову.